

тания древне-египетских предложений, разбивая их на два главные вида: 1) Глагол - подлежащее и 2) подлежащее - глагол (вернее причастие). Первый вид Голенищев называет главными высказывательными предложениями (*propositions principales énonciatives, Aussagesätze*), второй же вид — обстоятельными, оптативными или относительными (*circumstantialles, quelques fois optatives ou relatives*). Главной ошибкой семитологической школы Эрман считает смешение этих двух видов, которое приводит к переводу египетских текстов одними только главными предложениями, что, по мнению Голенищева, непростительно опрошает синтаксическое богатство египетского языка. С наименьшей тонкостью различает Голенищев еще два вида предложений: вид а — б и вид б — а, где а есть просто существительное, а «б» существительное с оттенком определения.

В виде примера Голенищев приводит и внимательно анализирует следующие тексты:

1. Из пирамиды Унаса строки 176—180 (*Sethe, Pyramidentexte 121 a—d, 122 a*).

2. Папирус Присса $\frac{4}{3}$ — $\frac{5}{4}$. По мнению Голенищева, весь этот отрывок состоит из ряда обстоятельных предложений, построенных по типу: существительное подлежащее — причастие определение, только три раза здесь встречается тип: существительное подлежащее — предлог — существительное (глагольное или иное). Этот последний тип является вторичным обстоятельным предложением, вносящим отдельную и новую деталь.

3. Папирус Эберса 69, 3—4. Здесь Голенищев отвергает гипотезу Эрмана о диалоге и переводит данный магический текст, пользуясь целым рядом придаточных предложений.

4. Lacau. *Stèles du Nouvel Empire*, № 34001 и K. *Sethe, Urkunden des ägyptischen Altertums IV*, 16—17. (Эпиграфы фараона Яхмоса 18-й династии).

5. Gardiner, *A stele in the Macgregor Collection* (*Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 4, pp. 188—189). (Писец Ари возносит мольбу обожествленным фараону Яхмосу и царице Яхмос-Нофрет-Ари).

6. Папирус Анастази I, 19, 2—4. (*Gardiner, Literary Texts*, pp. 31).

7. Папирус Коллер 5, 1—4. (*Gardiner, Literary Texts*, pp. 48, 42).

8. Стела Птолемея I, сатрапа Египта. 10—11.

В. Аадиев.

Г. ВИНОКУР. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. Издательство «Работник Просвещения». Москва 1925. Стр. 216.

Появление посмертного труда знаменитого де-Соссюра, знаменующее коренной перелом современной лингвистической мысли, возвращающейся от индивидуалистического воззрения на язык к социальной его концепции, в русской литературе прошло почти неотмеченным.

Правда, затронутые де-Соссюром проблемы неоднократно освещались в докладах и диспутах специальных научных обществ. Более того: молодой московской лингвистической школе, группирующейся под знаменем «Эстетических фрагментов», принадлежит честь подведения философского фундамента под социальную теорию языка — согласования ее основных положений о наиндивидуальном, общем, характере словесного знака с учением немецкой философской школы о специфичности функции слова, как знака общего смысла.

Но хорошо знакомые специалисту достижения эти оставались недоступными для широких кругов читателей, мирно погребенные в архивах научных обществ. И поэтому нельзя не приветствовать появление книги Г. Винокура, в теоретической части своей представляющей популяризацию названных выше положений.

Простым и понятным языком автор излагает основные положения возглавляемой де-Соссюром французской социологической школы — учение о языке, как наиндивидуальной системе социальных значимостей, существующей в традиции коллектива и определяющей речевую деятельность индивида (стр. 16—20); он разъясняет далее важнейшее различие, устанавливаемое немецкой фило-

софской школой в анализе структуры слова, — различение культурно-социальной функции слова, как знака общего смысла, и внесоциальной функции слова, как естественного крика (стр. 204); и, наконец, раскрывает основные ошибки выдвинутой языковедением прошлого века индивидуалистической концепции языка (стр. 10 — 16).

Но популяризация основных положений новой лингвистической системы отнюдь не составляет конечной задачи автора. Он ставит себе другую более специальную задачу — использовать эту систему для построения «прикладного языковедения», другими словами, для научного обоснования нормативной грамматики и стилистики.

Возможность подобного «прикладного языковедения» или «лингвистической технологии» выводится автором из упомянутого выше положения де-Соссюра о языке, как норме, определяющей речевую деятельность индивида. Поскольку речевая деятельность индивида представляет собой «комбинации, при помощи которых говорящий использует языковые нормы с целью выразить свою личную мысль» (де-С., 31), постольку она является актом волевым, сознательным. А следовательно, по мнению автора, «можно говорить о телеологической рационализации пользования языком». Эта рационализация может и должна осуществляться всюду, где налицо «есть хотя бы элементарный, но все же выбор, активная оценка вариантов из числа достоящихся говорящему наличной традицией». Установление принципов этой рационализации и составляет основную задачу стилистики, учения о стиле, т.-е. «учения об индивидуальном использовании традиционной языковой схемы в самой различной обстановке социального быта».

С точки зрения целевой оправданности и рассматривает автор ряд новообразований в современном русском языке — «новые словечки», создаваемые новым укладом жизни, язык нэпа и газеты, революционную фразеологию и пресловутые сокращения; попутно он полемизирует с другими авторами, писавшими на ту же тему — с Горнфельдом и Карцевским, Сосновским и Карпинским.

И все же как ни остроумны посвященные этим вопросам очерки, автором допущена одна основная неточность, уменьшающая ценность его построения. А именно: в своем определении предмета и задачи стилистики автор исходит из узко индивидуалистической и телеологической концепции речевой деятельности говорящего. «Направление стилистических инстинктов, — говорит он, напр., на стр. 51, — зависит от цели, тем или иным высказыванием преследуемой».

Только ли от цели? Не умалчивает ли здесь автор о другом и самом важном факторе, определяющем для говорящего выбор тех или иных языковых средств — о принадлежности его к известной языковой среде, отражающей принадлежность его к известной среде социальной? Вытекающее из социальной концепции языка, и развитое учеником де-Соссюра — Балли, учение о социальной диалектологии позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. В гораздо большей степени, чем индивидуальными стремлениями говорящего, выбор им стилистических данных определяется тем социальным диалектом, представителем которого он является; при чем стилистические формы, вполне допустимые в одном диалекте, в другом представляются устаревшими, одиозными, комическими.

Именно, этой разнородностью сосуществующих социальных диалектов и объясняется бесплодность претензий пуризма на обще-языковое значение. Ибо пуризм есть всегда явление диалектическое, он отражает стремление соответствующей общественной группы порвать экономическую и культурную связь с той общественной группой, слова которой она начинает изгонять из своего диалекта.

Устранив из своего построения понятие социальной диалектологии, не определив социально-диалектических осей пуризма, автор невольно вступает на тот путь произвольных и случайных оценок, который он так сурово осудил:

«Слово («старостат») на редкость, *по моему*, удобно и сообразно» (стр. 46); «... Мне, по крайней мере, достаточно увидеть статью, озаглавленную «Больше внимания сельскому хозяйству», или:

«Больше внимания Красному флоту», чтобы статьи этой уже наверняка не прочесть. Мне достаточно увидеть напечатанное жирным шрифтом: «Балканский костер грозит вспыхнуть», чтобы усумниться, в самом ли деле существует такой костер? Д-а подлинно, существуют ли и Балканы?» (стр. 81).

Такова основная несогласованность в построении Г. Винокура. Есть у него, разумеется, и другие спорные пункты; напр., в своей ожесточенной борьбе с «клише» газетной фразеологии автор совершенно упускает из виду огромное значение подобных «клише» в экономичке умственной работы.

Встречаются и мелкие lapsus'ы — как замечание о славянской основе слова «броня» (стр. 45), представляющего, в действительности, старинное заимствование из германского «Brüdnep», или

утверждение о непроизносимости «иррациональных» и «неопределенных» звуков (стр. 13), как известно, существующих и в современном русском языке (в безударных слогах).

И все же книга Г. Винокура сохраняет свое значение, несмотря на отмеченные недостатки. Самая несогласованность между некоторыми ее послылками и выводами должна побудить лингвистическую мысль живее работать в кругу новых проблем социологии языка, вывода ее из заколдованного круга фонетических соответствий. А ясное и понятное изложение основных положений новой социальной теории языка, вполне доступное широким кругам читателей, бесспорно разобьет не один лингвистический предубеждение, продолжая цепочку держаться в популярном сознании.

Р. Шор.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

1. В. ГУРКО-КРЯЖИН. *Краткая история Персии. Б. Пурецкого.* — 2. а) Н. М. ПОПОВАТИВА. *Китай. Экономическое описание.* б) А. Е. ХОДОРОВ и М. П. ПАВЛОВИЧ. *Китай в борьбе за независимость.* в) ШПИЛЬМАН. *Крестьянская революция в Китае. Восстание тайпинов.* г) РАЙВИД. *Н. Современный Китай. Политико-экономический очерк.* в. *Восточная Сибирь.* — 3. АНАТОЛИИ КАЛЛИНИКОВ. *Революционная Монголия. А. Бонч-Осмоловского.* — 4. Е. АДАМОВ. *Испания и Португалия. А. Барнова.* — 5. ЛАРИСА РЭЙСНЕР. *Афганистан. Л. Нанора.*

В. ГУРКО - КРЯЖИН. *Краткая история Персии.* Москва. «Прометей». 1925 год.
Стр 100.

История колониальных и полуколониальных стран почти всегда тесно связана с историей борьбы империалистических держав за обладание ими, или за преобладающее влияние в них. В особенности это относится к странам, лежащим на великих торговых путях и издавна вовлеченных в сферу международных торговых оборотов и интересов мирового империализма. Такова история современного Египта, Марокко, такова и история Персии. Географическое положение последней предопределило ее историческую судьбу. Вначале — пышный экономический и культурный

расцвет, пока Персия служила единственным торговым путем с Запада на Восток. Затем, когда возникшая Турецко-османская держава захватила контроль над торговлей Европы с Востоком, европейским купцам пришлось искать новых более выгодных путей. Был открыт морской путь в Индию и Персия, выйдя из сферы мировых торговых сношений, претерпела упадок экономический и вместе с тем и культурный. В период бурного роста мирового империализма (XIX и XX в.в.), Персия является уже ареной борьбы величайших империалистических держав, представляя для последних не столько торговый, сколько стратегический интерес мирового масштаба. Погоня за новыми рынками для развивающейся мировой промышлен-